

ужасно, все это смесь Смердякова с Каинством. И все это в качестве «предисловия» к выступлению на религиозную проповедь. Можете ли себе представить Иоанна Крестителя, который перед тем, как загреметь о «дереве, корень которого срубает секира» — целую ночь играл в крапленые карты и «подсидел приятелей». Уверен, что все это идет не от Д. С., а от «переумничившей» (и по сему попавшей в «дуры») Зин. Ник. Ну, Бог с ними. Ваш искренний *B. Розанов.*

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ

<Июнь 1911>

Нет, наш славный Massimo Gorki — мне «не лень» похлопотать для Вас, и все сделаю с особым удовольствием. Пока — у букинистов не нашел, да и безнадежно у них искать: ничего «духовного», только «роман — прежних лет». «Обыкновенное русское». Через неделю, когда буду в Питере, наведу справки еще в одном магазине, а затем у одного друга, и затем, когда везде получу «нет», то уже *во всяком случае* получу книгу из библиотеки СПБ. Духовной Академии, но это лишь — увы, к 1-му сентября, ибо сейчас все там в разъезде и Академия пуста. Боюсь, что Вам *негерпеливо и сейчас нужна* книга, для справок, для работы. Если же это вообще — интерес и изучение, тогда конечно можно терпеть до сентября.

И у меня Ваше *прекрасное* письмо хранится... Ниже можете не читать, ибо я «по разврату писателя» вступаю в литературу: ну бы ее к черту, литературу, так она ложна, притворна, лезет с поучениями (ведь *сам* всякий должен быть умен), и остался бы только прекраснейший отдел литературы: просто — письма простых людей, ну — переписка писателей, «о том о сем, что видел», да «что думается». Дальше еще хуже, пожалуй, не читайте: получив Ваше письмо и бродя по букинистам, думал о Вас, о судьбе Вашей. Осторожно скажу так: Ваша натура — боевая; положение (с детства) — в протест; и пока Вы были «протестующий» — «натура» и говорила золотые слова. Что же случилось потом, далее: ведь острые и ядовитая борьба всегда не против «журавля в небе», а против «клопа, который кусает в постели», против соседа, ближнего. Вас подняла «с.-д.», — и понесла на плечах. Она создала Вам триумф: и, когда вместо «клоповника» Вы очутились «в меду», естественно иссякла сила Вашего голоса, ибо *исчезла острота муки, позор вчерашнего дня* (социальный) и проч. Ах, оковы и тюрьма золотое условие для певни: а «Сарданопалы» когда же были поэтами? Уверен, будь

с <оциал-> д<емокра>тия «унижена, оплевана и отвергнута» — она говорила бы могучие слова могучим языком: но когда (слыхал я) «княгиня Барятинская (она же Яворская) с аршинным шелковым хвостом, придя к Минским, заявила, садясь на стул к кофею, что иначе как на экспроприации всех имуществ и на соц.-дем. республике — она не помирится», то я вдруг почувствовал желание обратиться в мышь и убежать под пол...

Ну, да все это известное.

Ваш В. Розанов.

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ

<Июль — август 1911>

Все Вам вышло, милый Алексей Максимович,— только обождите: очень занят. Деньги все получил. Спасибо. Пришлите мне список 385 страницы из «Иринея» (о кровоточивой женщине): я раскрыл случайно прочел. Господи, какая ерунда! Даже в газетах такого не печатают. А именуется: «Отец и учитель Церкви».

Но не в «Иринеях» дело, и Вы не проморгайте. Все «Иринеи» могут врать: а «церковь» (с которой я воюю всю жизнь), будучи с *одной стороны* ненавидима и ненавистна — с *другой* — *единственно* почти теперь интересное на земле. Куда интереснее социал-демократии и даже — кто знает — мож. быть, всего русского народа. Каким образом «такая глупая старуха», т. е. церковь,— интереснее «молодух» (соц. демократии и народа)— это почти невозможно постигнуть, понять и растолковать. Иной раз встретишь на улице старуху беззубую: только шамкает... Но смотрите на нее долго, пойдете за нею в избушку, вслушайтесь в ее «бормотанье»... и увидите что-то, постигнете что-то, *узнаете что-то новое*, чего с «девицами» не узнаешь, не постигнешь.

Я вот «век борюсь» с церковью, «век учусь» у церкви; проклинаю — а вместе *только ее и благословляю*. Просто черт знает что. Голова кружится... Бездонно все; глупо (Ириней) и бездонно. Злоупотребительно — и только одно народу и нужно.

Тут домовой
Тут леший бродит
Русалка на ветвях сидит.

В книгах моих, в «Темном Лике», прочтите хоть 1 статью со вниманием «Русские могилы». Из этого Вы увидите, как я умею отрицать и ненавидеть: а вот интимно говорю — люблю.